

РУССКИЕ КЛАССИКИ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ДРАМАТУРГА ДОНА НИГРО

В. Б. Шамина¹⁾, М. Р. Галимова²⁾

¹⁾ доктор филол. наук, профессор
(Казанский федеральный университет, Казань, Россия)
vshamina7@gmail.com

²⁾ аспирант (Казанский федеральный университет, Казань, Россия)
marga_ret@mail.ru

Современный американский драматург-постмодернист Дон Нигро ведет диалог с русскими классиками, помещая образы писателей и их героев в свои пьесы. В пьесе «Рыбак на озере тьмы» Нигро воссоздает образ Льва Николаевича Толстого, исследуя его противоречивый нрав, гениальность и сложные отношения с супругой Софьей Николаевной. Пьеса «Пушкин» стала фантазией-рассуждением о природе гения самого почитаемого русского поэта. В «Эмоциональной памяти» Нигро обращается к теме метода Станиславского через раскрытие образа Антона Павловича Чехова. Пьеса «Онегин и Татьяна в Одессе» стала дописанной Доном Нигро историей пушкинских героев. В пьесе «Достоевский» Дон также передаёт своё видение русской культуры. Во всех этих пьесах Нигро обращается к загадкам русской души: для этого драматург-постмодернист использует аллюзии, дописывание и палимпсесты.

Ключевые слова: Дон Нигро; постмодернизм; американская драма; аллюзия; дописывание; палимпсест.

RUSSIAN CLASSICS THROUGH THE EYES OF AMERICAN PLAYWRIGHT DON NIGRO

V. B. Shamina¹⁾, M. R. Galimova²⁾

¹⁾ Doctor of Philology, Professor (Kazan Federal University, Kazan, Russia)
vshamina7@gmail.com

²⁾ Pos graduate student (Kazan Federal University, Kazan, Russia)
marga_ret@mail.ru

Contemporary American postmodernist playwright Don Nigro engages in a dialogue with Russian classics, placing the images of writers and their heroes in his plays. In the play «Angler in the Lake of Darkness» Nigro recreates the image of Leo Tolstoy, exploring his contradictory nature, genius, and complex relationship with his wife Sofia. The play «Pushkin» became a fantasy-discourse on the nature of the genius of the most revered Russian poet. In «Emotional Memory» Nigro addresses the theme of Stanislavsky's method through the revelation of the character of Anton Chekhov. The play «Onegin and Tatyana in Odessa» became the story of Pushkin's heroes, completed by Don Nigro. In the play «Dostoevsky», Don also conveys his vision of Russian culture. In all these plays, Nigro addresses the

mysteries of the Russian soul: for this, the postmodernist playwright uses allusions, completion, and palimpsests.

Keywords: Don Nigro; postmodernism; American drama; allusion; completion; palimpsest.

Дон Нигро – известный современный американский драматург, написавший более 400 пьес, многие из которых с успехом идут на сценах США и всего мира, включая Россию. Особый интерес Нигро проявил к русской культуре, создав цикл произведений, посвящённых русским классикам – это пьесы «Пушкин», «Гоголь», «Рыбак на озере тьмы» (о Льве Толстом), «Эмоциональная память» (об Антоне Чехове), «Онегин и Татьяна в Одессе», «Достоевский» и др.

Россия и Америка во все времена представляли собой два во многом противоположных полюса, отношения между которыми строились по принципу притяжения-отталкивания. Возможно, отчасти поэтому Нигро стремится художественными средствами исследовать чуждый ему космос, разгадать тайны русской души, воплощённой в классических произведениях. Нигро пишет: *«Если есть что-то в русской литературе, что я могу особо выделить, я думаю, это способность, которая по-разному проявляется у разных писателей – принимать то, что мир сложен, неоднозначен и имеет много слоёв, подобно палимпсесту, в котором мрачная комедия и трагедия, как правило, переплетаются, что люди – это масса противоречий. Это способность принимать иронию, двусмысленность и противоречия в человеческом опыте. Американцы предпочитают простоту и ясность»*. [1]

В данной статье мы осуществляем краткий обзор диалога Нигро, который он ведет с русскими классиками, и рассматриваем образ русской души, который отражает американский драматург.

В пьесе «Рыбак на озере тьмы» Нигро с уважением и проницательностью исследует многогранный образ личности Льва Николаевича Толстого. Сам образ рыбака на озере тьмы взят из Божественной комедии Данте, используя аллюзию к цитате из Короля Лира – словам Эдгара, притворяющегося безумным: *«Фратеретто зовет меня и говорит, что Нерон – рыбак на озере тьмы»*. Предполагают, что это упоминание Нерона подсказано Шекспиру Рабле (см. «Гаргантюа», книга II, гл. 30, где Эпистемон рассказывает о времяпрепровождении в царстве мрака великих грешников мира сего»). [2] Так Нигро интерпретирует образ Толстого, используя коды близкой ему культуры: в данном случае он проводит параллель между Толстым и Королём Лиром Шекспира. Как известно, в своём критическом очерке «О Шекспире и драме» Лев Николаевич крайне негативно отзывался о творчестве Шекспира и в частности, о его трагедии «Король Лир». В этой связи Нигро пытается понять, как один гений мог не признавать гениальность другого, и насыщает пьесу многочисленными отсылками к шекспировской трагедии, многие из которых имеют автобиографический характер. Деревенская дурочка у Нигро во всех смыслах напоминает Шута у Шекспира, Толстой, как и Лир, в финале сходит с ума и уходит в штормовую бурю; мы видим в пьесе

Нигро троих дочерей Льва Николаевича, из которых образ любимой дочери Маши явно отсылает к Корделии – обе умирают молодыми. В пьесе Нигро Толстой после её смерти произносит: *«Я видел старика, держащего на руках труп бледной молодой женщины. Я словно смотрел какую-то ужасную пьесу. Тицеславный, глупый старый безумный король сжимает в объятиях свою мёртвую любимую дочь»* [3]. И наконец, умирая, Толстой у Нигро говорит: *«В мире много хороших людей помимо Льва Толстого.... Можешь ты растянуть эту пуговицу?»* [3], фактически повторяя последние слова Лира: *«Мне больно... Пуговицу растяните»* [4]. Высвечивая сходство судеб, пересечения биографических фактов и неприязнь Толстого к Шекспиру, американский драматург интерпретирует это как непринятие писателем определенной части самого себя. Великий писатель предстаёт перед зрителем противоречивым, вечно ищущим истину и страдающим от невозможности обрести полное удовлетворение. Драматург создаёт метафорический образ одинокого рыбака на озере человеческой души, загадочной и тёмной, из которой он непрестанно выуживает крупинцы истины.

В центр событий помещена история отношений великого писателя с супругой Софьей Андреевной Толстой. Сохраняя детальную достоверность исторических фактов, Нигро воссоздаёт модель мучительных, но крепких отношений супругов. Главными героями выступают Лев Толстой и его супруга Софья Толстая, причём каждого из них играют по два действующих лица – одно в молодости, второе в старости. Воссоздан образ той самой супруги Толстого, служащей ему и его творчеству, принося в жертву свою свободу и амбиции – доказательства чего запечатлены в знаменитых дневниках Толстой. Тем не менее, Нигро превозносит эти отношения: любовь Толстых друг к другу он видит несокрушимой, несмотря на то, как сложно им сосуществовать.

Пьеса «Пушкин» – очередное путешествие Нигро в русский мир. К созданию произведений русского цикла драматург подходит как скрупулёзный исследователь: он сохраняет достоверность биографических фактов и свидетельств современников. Нигро воссоздаёт последние несколько лет жизни Пушкина, от знакомства с Натальей Гончаровой до дуэли с Дантесом. Драматург не берёт на себя ответственность за интерпретацию, расставляя фактические детали в той комбинации, в которой их оставила история, что обуславливает развитие сценического действия. Пушкин любит Наталью страстно и ревностно, она ревнует его к сестре, дуэль с Дантесом выглядит нелепой ошибкой, а сам поэт на пороге смерти осознаёт, что не желал никого убивать, и уверяет Наталью, что супруга ни в чём неповинна. Все они живут в условном, параллельном мире, более ясном и близком нам, современным людям, и в то же время – загадочном своей безвременностью. Как и в пьесе о Толстом, его в первую очередь интересует образ гения-творца в его взаимоотношениях с окружающим миром – любимыми, близкими, обществом, властью и, наконец, самим собой. Причудливая художественная форма, которую он использует в своей пьесе – *«все происходит как бы по ходу нескончаемого сюрреалистического бала, который в общих чертах обозначен светом и музыкой»* [5] – переплетение прошлого и настоящего, интертексту-

альные отсылки, в частности, к шекспировскому «Отелло», система взаимоотражающих образов и ситуаций позволяют поставить некоторые вневременные вопросы о связи художественного творчества и жизни, участии художника, который в конечном счете остается непонятым, как самыми близкими, так и обществом, и обречен страдать и погибнуть.

Практически во всех «русских» пьесах действие всех временных пластов происходит на сцене одновременно – и в прошлом, и в настоящем. Герои свободно перемещаются из одного события в другое, следуя причудливой логике воспоминаний. Из настоящего можно вести диалог с прошлым и наоборот. Нигро погружает зрителя в единое информационное пространство, в котором все сходится в единой точке сознания.

Похожее мы наблюдаем и в пьесе «Онегин и Татьяна в Одессе», где Нигро дописывает историю Пушкина. Два героя встречаются после событий романа, спустя годы, на берегу Чёрного моря, чтобы вспомнить прошедшее в деталях и ответить на все вопросы. Прошлое живёт здесь и сейчас: в их головах, на сцене, в памяти зрителя и в самом произведении, которое стало созданной Пушкиным вселенной. Татьяна задаёт вопросы о том, в чем истинная причина убийства Онегиным Ленского, для чего Онегин танцевал Ольгой, любил ли он Татьяну. Онегин же ищет свои ответы: почему Татьяна полюбила именно его, был ли искренним её отказ в Петербурге, и – почему он убил Ленского. Следуя своему принципу, Нигро не даёт окончательных ответов, а лишь позволяет жить героям в его сознании – такими, какими их создал автор. В пьесе Онегин не раз упоминается Пушкин в качестве своего петербургского друга-писателя. Главный герой шутит, что живёт в его романе. Зрителю же нетрудно заметить триединство мужских фигур в пьесе – Онегина, Ленского и Пушкина: словно первые двое являются тёмной и светлой стороной третьего. В финале пьесы Онегин вновь молит Татьяну о взаимности, но, добившись её согласия – отказывается сам. Так Нигро продолжает историю любви Онегина и Татьяны, некогда созданную Пушкиным.

В пьесе «Достоевский» Нигро накладывает образы, созданные воображением и попавшие в произведения Фёдора Михайловича, на канву его жизни. Вместо линейной композиции мы видим фрагменты из памяти и видения, обусловленные эпилептической болезнью Достоевского. Несостоявшаяся казнь становится исходным событием, спровоцировавшим последующее психическое расстройство писателя. В воспоминаниях об ожидании казни сокамерниками Достоевского становятся Пушкин и Гоголь, а тюремщиками – бесы. Действие похоже на дьявольскую карусель и пронизано тревогой и страхом. Образ карусели также зафиксирован в ремарке, открывающей второе действие: *«мы начинаем видеть тени вращающейся карусели»* [6]. Но несмотря ни на что, Достоевский продолжает творить, задавать самому себе вопросы и искать на них ответы. Он называет талант болезнью, а одержимость творчеством – смертельным недугом. В то же время источник своего вдохновения Достоевский видит в непрерывной борьбе Бога и Дьявола в своей душе. Так Нигро, при помощи палимпсеста, показывает читателю своё понимание жизни и творчества Достоевского.

Исследуя природу творчества Достоевского, американский драматург неизбежно приходит к искушению трактовать своего героя как наиболее характерный тип именно русского писателя. Следует заметить, что в своих предыдущих пьесах русского цикла, он, как ни странно, сумел избежать рассуждений о пресловутой загадке русской души. Этот пробел он восполнил здесь. Ирония заключается в том, что Достоевский, произведения и сама личность которого во многом заложили фундамент мифа о русской душе на Западе, сам стал заложником этого мифа. В интерпретации Дона Нигро Достоевский не только всем своим поведением иллюстрирует все грани этого мифа, но и сам его формулирует: *«Сама жизнь – это азартная игра, а рулетка – игра, созданная специально для русских»* [6]. *«Я любил свою жену, как безумец, и как я из-за нее страдал. Всякий раз, изменяя мне, она плакала. Я плакал. Ее идиот-любовник плакал. Это так по-русски»* [6]. И, наконец, в разговоре с Тургеневым: *«[Внутри меня] всё. Слишком много. Бог и дьявол. Внутри меня безумная энциклопедия человеческого желания и ужаса. И это Россия. <...> Мои люди суматошные, непоследовательные, иррациональные, противоречивые. Все мои романы созданы о хаосе. Россия создана из хаоса»* [6].

Так драматург ставит все точки над «і», повторяя то, что западная культура, как правило, видит в русских – непредсказуемость, иррационализм, немотивированность поступков, которая не поддается рациональному объяснению.

Тема театра и метода Станиславского раскрывается в пьесе Нигро «Эмоциональная память», в центре которой – фигура Антона Павловича Чехова. Действие охватывает несколько лет жизни и творчества писателя, включая историю несчастливой любви с Лидией Мизиновой (в пьесе Лика), а также первые постановки пьесы «Чайка» и начало союза с Константином Станиславским. Здесь Нигро создаёт образ Чехова как эмоционально отстранённого, не позволяющего никому заглядывать в глубины своей души человека. После первой провальной постановки «Чайки» Лика, видя его стыд и разочарование, заключает: *«Чехову так противна эта постановка лишь потому, что она позволила ему соприкоснуться с собственными чувствами, оголеть и снять эмоциональную защиту»* [7]. После постановки той же пьесы Станиславским, которая на этот раз произвела фурор среди публики, Чехов ощущает всё то же чувство стыда и ярости, что доказывает правдивость гипотезы Лики.

Метод Станиславского, основанный на погружении в эмоциональный опыт актёра, схожий с состоянием его героя, перекликается с особенностью характера Чехова – отказом от открытого проявления сильных эмоций и их маскировкой юмором и иронией. Согласно трактовке Нигро, Чехов сублимировал собственные эмоции в театральное творчество – что и стало основой новаторства театра конца XIX века.

Многогранность, сложность, неоднозначность и противоречивость видит Нигро в русском мире – и восхищается им. В каждой пьесе о русских классиках он применяет излюбленную метафору зеркального лабиринта – постмодернистского образа помещения одного отражения внутрь другого, наложения одного

прочтения на другое. *«Мы не видим сами материальные объекты. Мы видим отражённый от них свет. И поскольку зеркала показывают нам наши отражения, наши отражённые образы, возвращающиеся к нам, наша зачарованность зеркалами такая же, как наша зачарованность искусством, и, особенно, театром. Искусство – это отражённый свет»*, – пишет Нигро [3]. Зеркало или зеркальные рамы постоянно присутствуют в сценографии многих его пьес. Михаил Бахтин, излагая свою теорию диалога, писал: *«Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже»* [8]. Рефлексивный диалог, который Дон Нигро ведет с русскими классиками, помогает нам не только лучше понять природу творчества плодовитого американца, но и взглянуть на самих себя через призму этого метафорического зеркала.

Библиографический список

1. Из личной переписки, 1 августа 2021 г. Перевод наш – В. Ш.
2. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле; пер. с фр. В. Пяст; илл. Г. Доре; оформ. С. Ковалев. – Пермь: Пермская книга, 1993. – 543 с.: ил. – (Юношеская библиотека). – ISBN 5-7625-0335-6 (в пер.).
3. Нигро, Д. Рыбак на озере тьмы / пер. с англ. В. Вебера / Д. Нигро. – М., 2018. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48800979 (дата обращения: 13. 05. 2023).
4. Шекспир, Уильям (1564-1616). Король Лир / Пер. Б. Пастернака ; Послесл. и примеч. М. Морозова У Шекспир. – Москва : Гослитиздат, 1949. – 164 с.
5. Нигро, Д. Пушкин / пер. с англ. В. Вебера, Т. Кот. М., 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/don-nigro/pushkin/chitat-onlayn/> (дата обращения: 10.09.2022).
6. Нигро, Д. Достоевский / пер. с англ. В. Вебера, М., 2022. URL: <https://www.litres.ru/book/don-nigro/dostoevskiy-dostoyevsky-68317255/> (дата обращения: 10. 08. 2024).
7. Нигро, Д. Эмоциональная память / пер. с англ. В. Вебера, М., 2016. URL: <https://www.litres.ru/book/don-nigro/emocionalnaya-pamyat-48799792/> (дата обращения: 10. 08. 2024).
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества : [сб. избр. тр.] / [Прим. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова]. — Москва : Искусство, 1979. — 423 с.